

Современное подсобное хозяйство селян и горожан: историческая динамика, функции, пространственные различия*

Татьяна Г. Нефедова¹, Ульяна Г. Николаева²

¹ *Институт географии, Российская академия наук, Москва, 119017, Россия*

² *Экономический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия*

Получено 5 February 2019 ♦ Принято в печать 21 February 2019 ♦ Опубликовано 12 April 2019

Цитирование: Nefedova TG, Nikolaeva UG (2019) Modern personal subsidiary plots of villagers and townspeople: historical dynamics, functions, spatial differences. Population and Economics 3(1): 91–106. <https://doi.org/10.3897/pop econ.3.e34903>

Аннотация

Статья посвящена экономическому, географическому и социологическому анализу индивидуальных подсобных хозяйств сельских жителей и горожан в современной пореформенной России. Рассматривается специфика индивидуальных подсобных хозяйств сельских жителей, анализируются причины подъема таких хозяйств, а затем уменьшения их количества. Исследуются также особенности и распространение приусадебных хозяйств городских жителей-дачников в связи с процессами урбанизации и частичной дезурбанизации. Дается оценка вклада индивидуальных хозяйств в общий объем сельскохозяйственной продукции.

Поднимается вопрос о формальном или неформальном статусе индивидуальных хозяйств, а также роли индивидуальных хозяйств в социальной и экономической жизни сельских и селско-городских жителей. Доказывается, что индивидуальное подсобное хозяйство в сельской местности выполняет как привычную функцию производства продуктов питания для собственного потребления (удовлетворяет до 30–40% потребностей в овощах и фруктах, а в хозяйствах с птицей и скотом — до 60–70% мясо-молочной продукции), так и социально-коммуникационную функцию поддержания реципрокных семейно-родственных связей, а также решает рекреационные задачи. Подчеркивается, что производство, распределение, потребление и продажи продукции индивидуальных хозяйств осуществляются, как правило, в рамках неформальных экономических отношений и плохо учитываются статистикой.

* В статье нашли отражение результаты исследований по проекту РФФИ № 17-06-00396 «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации / дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)».

Ключевые слова

индивидуальное (личное) подсобное хозяйство; сельское население; депопуляция; урбанизация; рекреация; дачи; приусадебные хозяйства дачников; реципрокция; сельско-городской континуум.

Коды JEL: O13, O18, P25, P32, Z13

Введение

Небольшие семейные нетоварные и малотоварные хозяйства существовали на протяжении многих тысяч лет — они были на Востоке, на Западе, при феодализме, при капитализме, при социализме. Во многих обществах они составляли и продолжают составлять невидимую подоснову жизни миллионов не только сельских, но и городских семей, внося важный вклад в жизнеобеспечение и воспроизводство рабочей силы. Малые объемы производства, ориентированность на собственное потребление, незначительная товарность делали этот объект не очень интересным для экономистов, однако значимым для социологов, демографов, антропологов, экономсоциологов и социально-экономических географов.

В статье затрагиваются важные для понимания этой полутеневой части жизни российского общества вопросы. Каковы особенности современных личных подсобных хозяйств (ЛПХ) жителей сельских районов России? Сколько таких хозяйств, как они устроены, сколько производят, каков их вклад в производство продовольствия в разных регионах России, как распределяется и потребляется произведенный продукт? Какую роль собственное подсобное хозяйство играет в жизни коренных сельских жителей и их родственников в городах? Какова роль горожан-дачников, приезжающих в сельскую местность в летний период?

В 1990-е гг. доля индивидуальных хозяйств в производстве товарной сельхозпродукции увеличилась с 25% в советское время до 50%, а в некоторых регионах и до 70–80%¹. Это было вызвано кризисом сельскохозяйственных предприятий, особенно сильным в Нечерноземье, а также инфляцией, наплывом мигрантов. Однако в 2000–2010 гг. экономика стала постепенно выходить из кризиса, а сельское хозяйство достигло к настоящему времени дореформенного объема валовой продукции. Но и в 2016 г. индивидуальные хозяйства населения России производили 77% картофеля, 67% овощей, 22% мяса и 45% молока и молокопродуктов. При этом подавляющее большинство этих хозяйств было нацелено не на товарное производство, а на частичное самообеспечение продуктами. В связи с этим также возникает целый ряд вопросов. Почему наше население, на $\frac{3}{4}$ городское, продолжает заниматься обработкой земли и самообеспечением продовольствием? Почему всю нашу историю при барине, колхозе и без них оно вкалывало как бы вдвойне: на работе, а потом на себя на своем небольшом участке земли у дома или на даче? Почему, когда в 1990-е гг. населению были предоставлены возможности организации товарного частного сельского хозяйства, ими воспользовались малая часть сельских жителей, а подавляющее большинство предпочло наемную работу в сочетании с собственным подсобным хозяйством, где люди часто творили чудеса. Почему реформы, нацеленные на продвижение вперед, отбросили сельское сообщество назад к расширению традиционного, архаического по способу организации хозяйства?

¹ Эта доля, возможно, завышена. Если в советское время предприятия стремились улучшить свою отчетность, то в 1990–2000 гг. и крупные предприятия, и фермеры в целях ухода от налогов всячески уменьшали объемы производимой продукции.

В научных социологических, социоэкономических и географических исследованиях российских ученых хозяйствам населения в последнее время уделяется достаточно много внимания [Муханова и др., 2013; Калюгина, 2003; Фадеева, 2015; Смыслы сельской жизни, 2016; Нефедова, Пэллот, 2006; Нефедова, 2013, 2018; Алексеев, Сафронов, 2017 и др.]. Ответы на поставленные вопросы требуют системного анализа рыночных и внерыночных экономических, а также институциональных отношений, в том числе в сельской местности, пространственной дифференциации состояния сельского хозяйства и, шире, занятости населения. Важны и исторические корни, зависимость многих явлений от предшествующего развития. Хозяйства населения — лишь часть сложного социально-экономического организма России. Но эта малозаметная часть подпитывает ресурсы всего организма. Однако роль хозяйств населения сильно различается в пространстве России в зависимости от степени урбанизированности регионов, накопленных результатов депопуляции сельского населения, его возраста, современных миграций, этнического состава. Именно отношения в деревне, как наиболее консервативном секторе нашего общества, показывают, далеко ли продвинулись реформы, имеют ли они шансы на успех и насколько различаются их результаты в разных регионах страны.

Расчеты и количественные оценки, проведенные авторами, основывались на использовании данных Росстата, материалов Всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг., переписей населения, а также на экономико-социологических исследованиях, проводимых авторами в ряде ключевых районов России, в том числе на периферии Костромской области в рамках Угорского проекта².

От дореволюционного крестьянского хозяйства к современному ЛПХ. Подсобное хозяйство как часть неформальной экономики

Небольшие и средние семейные крестьянские хозяйства, объединенные в крупные или небольшие общины, на протяжении всей истории человечества составляли экономический фундамент всех известных докапиталистических социально-экономических укладов: в рамках этих хозяйств создавался жизнеобеспечивающий продукт, необходимый для воспроизводства рабочей силы, а также производилась определенная доля «избыточного» или «прибавочного» продукта, присваиваемого персональными (феодалы, магнаты и др.) или корпоративными частными собственниками (в том числе чиновничеством в рамках «азиатского способа производства»). Вплоть до полной победы капитализма и рыночных отношений существовали различные формы не только экономической, но и внеэкономической (личной) зависимости крестьян от полных или верховных собственников земли. Крестьянская община, объединяющая крестьянские дворохозяйства, функционировала как сложная система социально-экономических, организационных и правовых отношений, охватывающих вопросы землепользования, перераспределения ресурсов, совместного труда, взаимопомощи, обмена услугами, взаимного страхования и т.д. [Семенов, 2002].

С переходом к рыночному типу общества модернизирующиеся нетоварные крестьянские хозяйства, как правило, преобразуются в товарные фермерские хозяйства. Связи между хозяйствами ослабевают, групповая семейная собственность на землю сменяется индивидуальной полной частной собственностью. Ориентация на самообеспечение продуктами вытесняется капиталистической мотивацией продажи и получения прибыли

² Угорский проект см.: www.ugory.ru [Потенциал Ближнего Севера, 2014; Между домом и ...домом, 2016].

ли. Так было во всех европейских странах при переходе от феодализма к классическому капитализму. Однако в странах «зависимого», «периферийного» капитализма процесс вытеснения дорыночных и нерыночных экономических отношений на селе был существенно замедлен и обладал своей спецификой.

В России отмена крепостного права и затем столыпинская земельная реформа ускорили развитие капитализма. Началось разложение сельской крестьянской общины, экономическая дифференциация крестьянства, рост числа малоземельного и безземельного крестьянства. Значение общинных связей и уравнительных принципов между крестьянскими дворами резко снизилось, но функция самообеспечения семейного сельского хозяйства продолжала быть наиважнейшей.

Быстрый рост городов и промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. породил не только обычную для процессов урбанизации миграцию сельских жителей в города, но и своеобразное социально-экономическое явление — «отход», «отходничество», т.е. временные выезды сельских жителей на заработки в город с возвращением в деревню [Рындзюнский, 1983; Моисеенко, 2017; Смурова, 2008 и др.]. Отходники сохраняли прочную социальную и экономическую связь с деревней, в которой продолжали жить родители, родственники, жены с детьми: из села в город для поддержки отходникам направлялись продукты питания, из города в деревню возвращались денежные ресурсы, необходимые для оплаты налогов, закупки оборудования, ремонта и строительства и др.

В России в конце XIX — начале XX в. исторически сложился своеобразный неформальный сельско-городской социальный и экономический «континуум», представляющий собой реализацию прочных реципрокных (термин Карла Поланьи) связей и каналов внутрисемейного перераспределения ресурсов между «сельской» и «городской» частями семейно-родственных групп. Элементы этого социально-экономического «континуума», центром которого были небольшие семейные сельские подсобные хозяйства, сохранялись и в советское время, а затем были актуализированы в постсоветский период.

В начале XX в. мелкие хозяйства производили 88% зерна. Несмотря на то что в период коллективизации товарное частное хозяйство перестало существовать, советское сельское хозяйство совмещало колхозно-совхозные и мелкие нетоварные ЛПХ, которые оставались важным средством выживания сельского населения. Сложилась своеобразная экономическая система — биполярный эволюционизм [Redfield, 1973, p. 140–142; Муханова и др., 2013, с. 39], при котором отдельные элементы, характерные для разных стадий развития, существовали одновременно.

Идеи о двойственности любой экономики, особенно в развивающихся странах, о невозможности там функционирования «нормальных» рыночных институтов без теневого сектора мелких хозяйств начали развиваться в Европе во второй половине XX в. [Lewis, 1953; Geertz, 1963; Hart, 1973]. Именно неформальный сектор, позволявший людям зарабатывать и выживать при несовершенных правовых и экономических институтах, часто служил основой сохранения социальной и политической стабильности. Наиболее подробно неформальная экономика была описана Джеймсом Скоттом [2005], показавшим, что формальные институты могут работать только при условии их неформальной коррекции со стороны живой социально-экономической практики.

Это подтверждалось и в СССР, хотя его институты были далеки от рыночных. Работая в колхозах и совхозах, сельские жители в значительной степени выживали за счет ЛПХ. В 1940 г. при 4% земель, которые официально использовали ЛПХ, они производили две трети мяса и молока. Это было возможно благодаря тесному взаимодействию формального и неформального секторов [Нефедова, 2013, с. 115–148]. И в конце советского периода, и в 1990-х гг. их симбиоз в сельском хозяйстве был ярко выражен. Колхозы

и прочие агропредприятия могли месяцами не платить зарплату, но выдавали вместо нее работникам зерно, сено, солому; работники же разводили скот и птицу в личном хозяйстве, в том числе на продажу, за счет этого и жили³. Разумеется, в этих условиях работники воровали на предприятиях все, что только было можно.

Формальную и неформальную занятость, в том числе и в сельской местности, очень сложно разделить, их можно рассматривать не как дихотомию, а как полюса континуума [Сухова, Гладникова, Нагерняк, Рощина, 2013; Барсукова, 2016; Николаева, 2017 и др.]. Люди, официально работающие на предприятиях, могут вести мощное теневое сельское хозяйство; далеко не все официально оформленные фермеры отчитываются, ведя полутеневое или теневое хозяйство и т.п. [Нефедова, 2013, с. 117–124].

Экономические причины сохранения постсоветского ЛПХ

Общий тренд модернизации сельской экономики и уменьшения занятости в новых постсоветских конкурентных условиях был неизбежен. Известно, что в советское время во многих отраслях наблюдалась повышенная занятость, но при очень низкой производительности труда предприятия испытывали дефицит работников.

В постсоветское время занятость в сельском и лесном хозяйстве, особенно на крупных и средних предприятиях, уменьшалась гораздо более стремительными темпами, чем в экономике в целом. Помимо кризиса и закрытия ряда предприятий в 1990-х гг. на этапе выхода сельского хозяйства из кризиса это было связано со многими причинами. Появление агрохолдингов с повышенной механизацией производства привело к уменьшению занятости при росте производства. Расширение растениеводства при выгоды экспорта зерна и свертывание наиболее трудоемкого животноводства, особенно молочного, также высвобождало значительное число работников. К тому же некоторые агрохолдинги привлекали специалистов из города (даже при наличии их на местах), а также использовали иностранную рабочую силу. При сельскохозяйственной монофункциональности и отсутствии других мест приложения труда это выявило реальную перенаселенность сельской местности во многих районах и активизировало процесс урбанизации. Но даже наличие вакансий в традиционных отраслях не привлекало работников, так как заработные платы в сельском хозяйстве упали от 100% среднероссийского уровня до 15% в 1990-х гг., а в нулевых поднялись до 50% среднего уровня при значительной сезонности работы и заработков [Между домом, 2016, с. 97].

В последние годы в сельском, лесном хозяйстве и рыболовстве было занято лишь 22% сельских жителей, в том числе 7% в растениеводстве и 13% в животноводстве в сочетании с растениеводством. Большая часть крестьян (от четверти до половины и более) работает в бюджетной сфере [Аверкиева, 2016]. Точно определить уровень реальной безработицы в сельской местности не позволяют никакие показатели. С одной стороны, значительная часть безработных не регистрируется в службе занятости, а с другой стороны, распространена теневая занятость на месте или отходничество в города даже из экономически благополучных сельскохозяйственных районов. Ситуация с занятостью усугубилась в последние годы в связи с кампанией объединения поселений и сокращения бюджетных рабочих мест в сельских администрациях, школах, больницах, фельдшерско-акушерских пунктах, клубах. В этих условиях собственное подсобное сельское хозяйство остается важной составляющей питания и доходов сельского населения.

³ Занятость в домашнем хозяйстве до 1999 г. вообще не учитывалась. В 1999–2000 гг. их стали относить к экономически неактивному населению, а с 2001 г. — к занятым, хотя в значительной степени такая занятость ограничивается самообеспечением членов семьи и ближайших родственников.

Роль хозяйств населения и их география

Рост доли хозяйств населения в начале 1990-х гг. был связан в основном с кризисом крупных и средних предприятий и уменьшением их доли в производстве продовольствия. Абсолютные показатели роста производства в хозяйствах населения между 1990 и 1992 г. были связаны с инфляцией и дефицитом продуктов, особенно в городах. Статистика даже фиксировала кратковременный отток из них населения «на землю». С тех пор роль мелких хозяйств постепенно сокращается, хотя они продолжают производить 21% мяса, 44% молока и молокопродуктов и 66% овощей (рис. 1) [Регионы России, 1998, 2010, 2017].

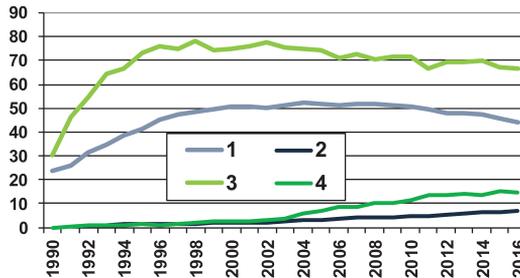

Рис. 1. Изменение доли ЛПХ и крестьянских фермерских хозяйств (КФХ) в производстве молока и овощей с 1990 по 2016 г., %: 1 — молоко в ЛПХ, 2 — молоко в КФХ, 3 — овощи в ЛПХ, 4 — овощи в КФХ. Источник: данные Росстата.

Симбиоз хозяйств населения с предприятиями сохранялся и в 1990-х гг., и в начале 2000-х гг. Даже если работникам не платили в течение длительного времени зарплату, предприятие выдавало им зерно, корма для скота, сено как плату за работу и земельные паи, оказывало ветеринарные услуги, предоставляло технику для вспашки огородов и т.п. [Нефедова, Пэллот, 2006]. Колхозные корма позволяли сохранять домашний скот и птицу, а техническая помощь и дополнительные участки земли, которые предоставляла сельская администрация или предприятие, — выращивать картофель и овощи. Особенно велика была доля крупного рогатого скота в хозяйствах населения — 43% поголовья. При этом частичная продажа молока, яиц, мяса, молодняка, а также овощей давала существенное дополнение к мизерным доходам.

При этом количество крупного рогатого скота и производство в личных хозяйствах молока и мяса и тогда, и сейчас больше не там, где исчезли или резко снизили производство колхозы и есть острая необходимость усиления самообеспечения населения, т.е. в Нечерноземье, а в южных регионах, особенно в зерновой зоне, где сохраняются сельскохозяйственные предприятия (рис. 2). То же касается и поголовья свиней (рис. 3), если с распространением агрохолдингов администрации не запрещают держать свиней в хозяйствах населения из опасения распространения заболеваний животных. Во многом тяготение животноводческих личных хозяйств населения к зерновой зоне с крупными и наиболее успешными предприятиями отчасти связано с их помощью хозяйствам населения, о которой говорилось выше (рис. 4). Исключение составляет Краснодарский край, для которого характерна наиболее острая борьба за землю при сокращении пастбищ. Земля также гораздо больше ценится на равнинных территориях южных республик и в пригородах с повышенной плотностью населения [Нефедова, 2013]. В республиках и в некоторых регионах Поволжья и Сибири, в том числе с повышенной долей нерусского населения, численность крупного рогатого скота и овец в постсоветское время даже увеличилась, что во многом связано с сохранением национальных традиций и большими площадями пастбищ.

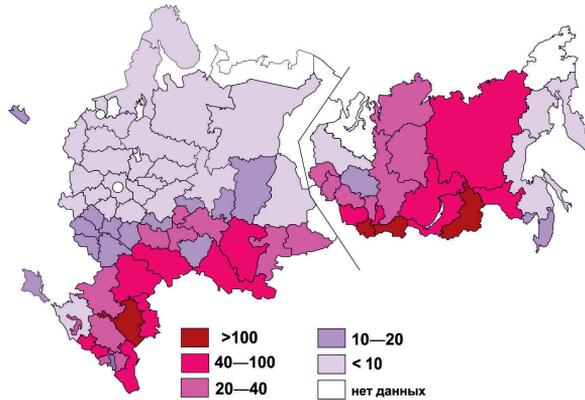

Рис. 2. Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах населения на 100 сельских жителей старше 15 лет на 01.01.2017 г. Источник: данные Росстата.

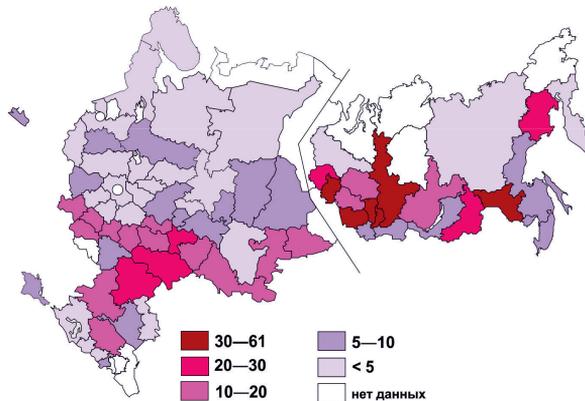

Рис. 3. Поголовье свиней в хозяйствах населения на 100 сельских жителей старше 15 лет на 01.01.2017 г. Источник: данные Росстата.

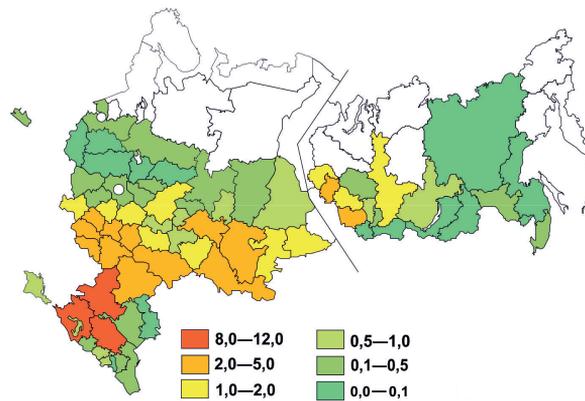

Рис. 4. Доля регионов России в общем производстве зерновых культур в среднем за 2014–2017 гг., %. Источник: данные Росстата.

В Нечерноземных регионах при сильном кризисе многих сельскохозяйственных предприятий, уменьшении занятости и объективной потребности в самообеспечении продовольствием при резко уменьшившихся доходах сопутствующий кризис ЛПХ можно объяснить длительной депопуляцией населения и демографическими факторами [Нефедова, 2018]. Здесь преобладают небольшие, быстро теряющие население деревни (рис. 5), велика доля старшего поколения, пожилых женщин намного больше, чем мужчин, характерны продолжающиеся миграции сельского населения в города, особенно молодежи [Мкртчян, 2018]. Отсутствие мотивации труда стимулирует появление социальных патологий, алкоголизма, что ведет к повышенной смертности от внешних причин [Денисенко, Николаева, 2014, 2015].

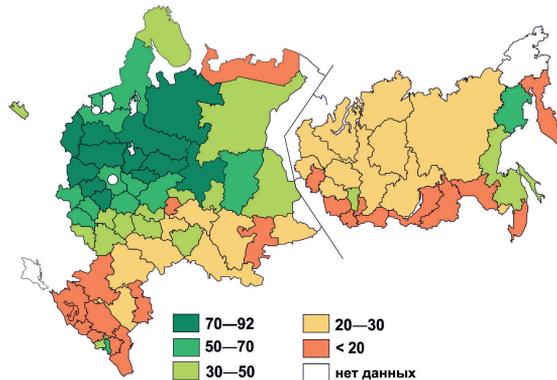

Рис. 5. Доля малых населенных пунктов с населением менее 50 человек в регионах, %. Источник: данные Всероссийской переписи населения, 2010.

И даже увеличение площади естественных пастбищ на заброшенных и зарастающих травой и кустарником сельскохозяйственных землях не стимулирует переход населения к частному животноводству. Большая часть бывших колхозных земель остается заброшенной. Последняя сельскохозяйственная перепись показала в Нечерноземье значительную долю неиспользуемых земель, включая земельные паи [Узун, 2017], частично перешедшие к населению (рис. 6). Особенно это характерно для удаленных от Москвы регионов на северо-востоке (Вологодская, Кировская, Костромская области), а также на крайнем западе (Псковская, Смоленская области).

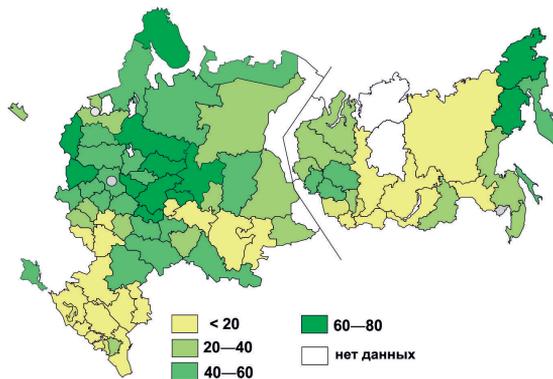

Рис. 6. Доля неиспользуемых земель в ЛПХ граждан, %. Источник: материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи, 2016.

Депопуляция сельского населения особенно характерна для периферийных муниципальных районов практически всех регионов (см. статью Н. В. Мкртчяна в этом выпуске). Но наиболее сильный отток молодого и активного населения наблюдался на периферии нечерноземных областей. Долговременные потери человеческого капитала отражают различия в плотности сельского населения в пригородах и на периферии нечерноземных регионов, которые достигают 5–10 раз (рис. 7).

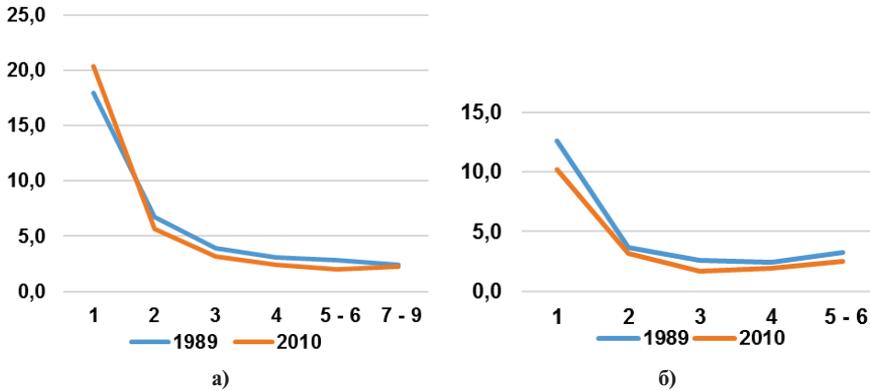

Рис. 7. Плотность сельского населения в муниципальных районах Костромской (а) и Вологодской (б) областей по мере удаления от областного центра, человек на 1 кв. км. Источник: материалы переписей населения 1989 и 2010 гг.

Обозначения: 1 — районы первого порядка соседства, примыкающие к центру; 2 — районы-соседи второго порядка и т.д. до периферийных районов 4–9 порядков соседства с областным центром

Трудовой потенциал в периферийных муниципальных районах наиболее истощен, а хозяйства населения обеспечивают жителей в основном картофелем и овощами, да и то часто с помощью членов семьи, переселившихся в города и приезжающих на сельскохозяйственные работы несколько раз в год. При этом часть продукции отправляется городским родственникам. Проведенные на периферии Костромской области опросы населения показали, что более 80% домохозяйств сильно сократили производство в постсоветские годы, и даже в относительно больших селах осталось по 2–3 коровы [Потенциал, 2014, с. 62].

Если обобщить мотивацию сельскохозяйственной деятельности населения России в целом, то оказывается, что самыми устойчивыми являются два типа хозяйств населения. Первый тип — это личные хозяйства с повышенной товарностью, особенно специализированные. Чаще всего они расположены в южных регионах или вблизи городов. Их владельцы, по сути, — неформальные фермеры, и часто это их основная работа. Второй тип — абсолютно нетоварные хозяйства с минимальным самообеспечением. Их владельцы традиционно привыкли использовать землю для собственного пропитания [Нефедова, Пэллот, 2006], даже когда уже мало сил. Тот факт, что в последние годы быстрее всего снижалось производство именно в ЛПХ средних размеров, подтверждают как статистика, так и опросы [Муханова и др., 2013, с. 195–199].

Надежды на ведущую роль фермерских хозяйств западного типа в России не оправдались. Их сравнительно небольшое число (137 тыс. хозяйств в 2016 г. при почти 18 млн хозяйств населения) можно объяснить принципиально иной стратегией и мотивацией.

З. Калугина [2003] отмечает у фермеров стремление к независимости, самостоятельности в хозяйственных делах, возможность реализации собственных планов, карьерные устремления, что заметно отличает их от традиционных хозяйств населения, стремящихся просто выжить или немного улучшить экономическое положение. В русских регионах фермерские хозяйства занимаются в основном растениеводством, хотя конкурировать с агрохолдингами за землю им становится все труднее. Более двух третей земель фермеров заняты наиболее прибыльными зерновыми культурами и подсолнечником. В республиках фермерские хозяйства занимаются животноводством.

Подавляющее большинство сельских жителей оказалось все-таки не готово к экономическим рискам, предпочитая оставаться в рамках традиционного ЛПХ, хотя в ряде мест весьма товарного. Степень товарности помимо человеческого капитала может быть связана и с традициями. Например, для деревень вокруг озера Неро в Ярославской области, находящихся недалеко от Москвы, с XVI в. характерно высокотоварное овощное хозяйство на сапропелевых почвах с поставками продукции в города. И до сих пор, несмотря на очень сильную депопуляцию, остатки сельского населения и даже дачники, приезжающие туда на лето, продолжают заниматься огородничеством. Это видит любой проезжающий по шоссе в сторону Ростова и Ярославля, вдоль которого плотными рядами сидят продавцы лука и других овощей. Подобные районы можно найти в разных регионах, но чаще они встречаются на юге и в пригородах больших городов.

Причину экономической пассивности многие видят в недостатке у сельских жителей стартовых ресурсов, в первую очередь финансовых, для перехода от «архаичного» хозяйства, нацеленного на самообеспечение, к товарному с современной организацией и технологиями. Действительно, банки предпочитают кредитовать крупные сельскохозяйственные производства — агрохолдинги, колхозы, крупные и уже «раскрученные» фермерские хозяйства. Но можно выделить и психологические причины ориентации на самодостаточность и боязни рисковать. К. Хамфри видит причину в том, что они все еще не чувствуют себя самостоятельными хозяйственными единицами из-за длительных патронажных отношений работников с находящимися «над ними» структурами: общиной, колхозом, государством [Хамфри, 2010, с. 195].

ЛПХ современных сельских жителей нередко сравнивают с дореволюционными крестьянскими хозяйствами, подчеркивая их сходство с точки зрения незначительных размеров, низкого уровня технологизации, ориентацию на производство для внутреннего потребления, семейный совместный труд. Однако редко обращают внимание на то, что современным малым семейным хозяйствам в нынешних условиях рыночной экономики выживать в некотором смысле труднее, нежели классическим крестьянским хозяйствам: отсутствуют крестьянская община и свойственные ей нормы перераспределения и взаимопомощи (помощь трудом, помощь продуктами и др.); в России фактически завершен демографический переход к модели малодетной семьи, следовательно, семейные трудовые ресурсы оказываются, как правило, ограниченными; в рыночных условиях невозможно вести полностью неденежное и нетоварное хозяйство — электричество, налоги, связь, корма, ветеринарные услуги, минимальная сельскохозяйственная техника требуют денежных расходов. Не случайно так ценится работа в колхозе и его помощь, а там, где ее уже нет, ценятся пенсионеры — у них всегда есть пусть небольшой, но стабильный денежный доход.

И все же современные домохозяйства в сельской местности вынуждены искать дополнительные источники денежных доходов в виде либо помощи городских родственников, либо продажи части продукции, либо дополнительного использования даров леса, либо совмещения работы (в том числе в городе в формате «отхода») с ведением ЛПХ. Недаром во многих регионах европейской части России 10–25% сельского населения в трудоспособном возрасте уезжают на заработки в Москву и Московскую область в режиме две не-

дели или месяц на работе и столько же дома, что позволяет им вести и ЛПХ [Между домом и... домом, 2016, с. 83–283].

Сельские хозяйства горожан

Не только сельские жители, но и горожане погружены в сельскохозяйственные заботы. Число участков в садоводческих, дачных, огородных товариществах достигает 12,8 млн, а вместе с участками под индивидуальное жилищное строительство и землями тех горожан, которые вышли из садовых и дачных некоммерческих товариществ (СНТ, ДНТ), — более 18 млн [Всероссийская сельскохозяйственная, 2017, т. 1]. Это даже немного больше, чем количество хозяйств сельских жителей (17,6 млн). Участки горожан, как правило, меньше, но используются они интенсивнее: 91% дачников занимаются в СНТ сельским хозяйством. В ДНТ сельскохозяйственное использование меньше, но все равно велико — 70% владельцев [Там же]. Сельские жители используют для сельского хозяйства 79% участков. Местоположение и величина ближайшего города играют существенную роль. Например, в Московской и Ленинградской областях доля посевов и многолетников на участках невелика (рис. 8) в отличие от южных регионов, где дачные участки используются гораздо интенсивнее. Таким образом, начиная с Центрального Черноземья и далее на юг и восток роль самообеспечения как селян, так и горожан много выше. При этом в СНТ горожан больше доля земель под посевами культур и многолетников, а в ЛПХ чаще выше доля сенокосов и пастбищ.

Подавляющее большинство владельцев участков в СНТ и ДНТ посещают свои участки, расположенные, как правило, недалеко от города, в выходные дни и в весенне-летне-осенние месяцы. Многие горожане имеют родственников (родителей) в деревне, к которым также ездят как на дачу, помогая в том числе и в их домашнем хозяйстве. С 1970-х гг. расширяется волна покупки горожанами домов в пустеющих деревнях, в том числе и далеко от города (300–700 км). Такие дома также используются преимущественно в летний период как дачи. Но те горожане, кто имеет возможность жить за городом сравнительно долго — пенсионеры, люди с длительными отпусками, — также ведут подобное сельское хозяйство. Жизнь на два дома — в городе и на даче — весьма характерна для России [Горожане и дачники, 2016; Между домом и... домом, 2016].

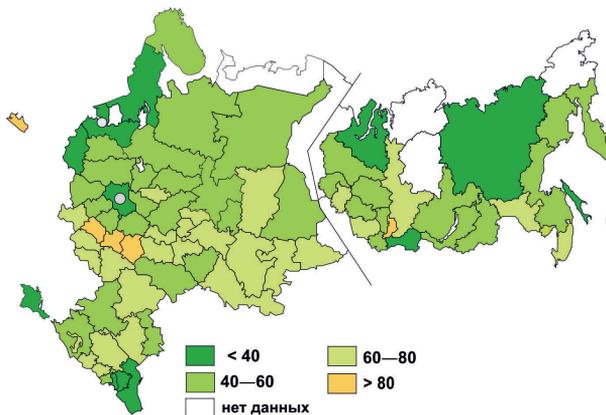

Рис. 8. Доля посевов и многолетников на участках садовых некоммерческих объединений граждан, 2016, %. Источник: материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи, 2016.

Случаи переезда горожан в сельскую местность и создания подсобного хозяйства пока еще редки, а их мотивы различаются. Если решающие переехать в деревню горожане родились или выросли в сельской местности и у них, например, в деревне остались родители или родственники, то причиной становится необходимость организации с определенного времени персонального ухода за ослабевшими престарелыми родителями и поддержания семейного хозяйства (хотя все чаще успешные в городе дети перевозят болеющих стариков-родителей в городские квартиры). После смерти родителей усиливается значение мотива сохранения и поддержания семейной собственности (деревянный дом в деревне требует присмотра и регулярного ремонта), а также «возвращения к корням», сохранения семейной памяти об уже умерших родителях. В деревню из города переезжают, как правило, пенсионеры (см. статью Н. В. Мкртчяна в этом сборнике), хотя немало случаев временного возвращения в период экономических кризисов или личных неудач трудоспособных взрослых членов семьи.

Другая группа переселенцев в деревню — горожане, не имеющие глубоких или даже вообще каких бы то ни было корней в сельской местности. В 1990-е гг. среди такого рода переселенцев было немало многодетных семей, надеявшихся хоть как-то перебиться и прокормиться собственным огородом и хозяйством в первые постсоветские «безденежные» годы. Некоторые переселенцы пустили корни и остались жить в сельской местности, не теряя тем не менее связи с городом через родственников, оставив за собой или сдав в аренду городскую квартиру.

Начиная с 2000-х гг. увеличивается количество «идейных» переселенцев, стремящихся жить в экологически чистых районах и выращивать экологически чистые продукты, ищущих альтернативные городу и капитализму форматы совместной жизни («экопоселения»). Однако им, как правило, довольно трудно вписаться в местную жизнь из-за более активной жизненной позиции и творческого подхода, в том числе к сельскому хозяйству [Потенциал, 2014, с. 162].

Для переселяющихся в деревню горожан-пенсионеров значимыми мотивами становятся не только желание потрудиться на земле и пожить спокойной негородской жизнью, но и «освободить» городскую жилплощадь для детей и внуков, а также организовать рекреационные возможности для них в деревне. В таких хозяйствах часто овощи, фрукты и цветы выращиваются не только для пропитания, но и для реализации эстетических потребностей; домашняя птица и мелкий рогатый скот (козы, овцы) заводятся не столько с целью пропитания, сколько для повышения экологичности питания, самореализации и социализации внуков. Экономическая устойчивость подсобных хозяйств горожан и полугорожан во многом зависит от финансовой подпитки и трудового вклада молодых членов семьи, живущих и работающих в городе; продажа возникающих излишков носит несистематический характер.

Для подсобных хозяйств горожан, имеющих близких родственников в деревне или переселяющихся на длительный срок в сельскую местность, так же как и для хозяйств деревенских жителей, имеющих в семье «отходников», работающих в городе, характерны тесные взаимосвязи и постоянные денежные и неденежные (трудовые, продуктовые, услугуообменные) трансферты из города в деревню и из деревни в город. Применительно к такого рода «распределенным» дислокальным семейным хозяйствам можно говорить о возникновении социально-экономического «континуума» сельско-городских взаимодействий.

Выводы

ЛПХ можно рассматривать как связующее звено населения и экономики, а их пространственное распределение в значительной степени отражает демографические и хозяй-

ственные характеристики сообществ в разных регионах и муниципальных районах. Для основной массы сельского населения они играют важную социальную и экономическую роль, обеспечивая производство продуктов питания для собственного семейного потребления и воспроизводства рабочей силы. Товарность ЛПХ невелика, фермерская линия развития оказалась успешной лишь на юге России, в целом же по стране обозначилась четкая тенденция к сокращению среднего размера хозяйств и увеличения количества мелких семейных хозяйств. При этом ключевым фактором успешности хозяйств населения служит человеческий капитал, связанный со степенью депопуляции сельского населения и его этническим составом. Важно также состояние сельскохозяйственных предприятий, ресурсы которых поддерживают хозяйства населения, особенно в зерновых районах. Поэтому пространственные различия в специализации и товарности хозяйств населения очень велики.

В условиях низких доходов практически всех категорий работников в сельской местности, а также в связи с возникшей в ней в 1990-х гг. «избыточностью» трудовых ресурсов и высоким уровнем безработицы в результате трансформации сельского хозяйства наличие личного подворья является условием выживания населения и мощным фактором стабилизации непростой социальной и экономической ситуации. Такие виды адаптации сельского населения, как «отходничество» и ЛПХ, в значительной мере тормозят урбанизационные процессы в стране.

Планируемое правительством приравнивание ЛПХ к предпринимательской деятельности с вытекающими из этого требованиями регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, оплаты налогов, отчислений, покупки патента⁴ приведет, очевидно, к дальнейшему сокращению объема производства сельскохозяйственной продукции в небольших хозяйствах, снижению товарности ЛПХ, сокращению количества средних по размеру хозяйств. Можно прогнозировать также усиление масштабов «отходничества» с дальнейшим переездом части «отходников» в города, поскольку покупка патентов, регистрация в качестве индивидуальных предпринимателей, покупка кассовых аппаратов, оплата налогов и др. потребуют немалых дополнительных денежных расходов и потерь массы времени и сил на регистрацию и отчетность. Не надо сбрасывать со счетов и то, что у основной массы сельского населения сегодня фиксируются сравнительно низкая организационно-правовая культура, слабое владение компьютерной техникой, отсутствие опыта ведения бухгалтерской и налоговой отчетности, а также в целом недоверие к любым нововведениям сверху и административному давлению.

Товарная направленность ЛПХ в России выражена сравнительно слабо. Мотивация сельскохозяйственной деятельности населения, причем не только сельского, но и городского, носит, как было показано, двоякий характер. Она лишь отчасти связана со стремлением улучшить свое материальное положение. Все еще велика роль притягательности собственности как таковой, а также традиций и социальных эстафет, хотя соотношение экономических и внеэкономических факторов оказывается неустойчивым, во многом зависит от географического положения и существенно меняется в зависимости от динамики доходов населения, социальной и экономической ситуации.

Литература

Аверкиева К. В. 2016. Современная структура занятости сельского населения Нечерноземья и роль отходничества в занятости сельских жителей // Изв. РАН, Сер. геогр. 1: 25–37.

⁴ Законопроект Ф3 № 483530-7 «О внесении изменений в статьи 346.43 и 346.45 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» (в части расширения видов предпринимательской деятельности, в отношении которых может применяться патентная система налогообложения).

- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. 2017. Личное подсобное хозяйство в регионах России в конце XX — начале XXI века // Региональные исследования. 4: 24–36.
- Барсукова С. Ю. 2016. Дилемма «фермеры — агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. 5: 63–74.
- Власть земли. 2002. Традиционная экономика крестьянства России XIX века — начала XX века. Составитель, автор теоретического введения и редактор Ю. И. Семенов. Т. 1. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.
- Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. 2017. Т. 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам РФ. М.: ИИЦ «Статистика России».
- Горожане и дачники. 2016. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества / Ред. В. И. Ильин, Н. Е. Покровский. М.: Университетская книга.
- Денисенко М. Б., Николаева У. Г. 2014. Сельские сообщества Ближнего Севера: экономические уклады, модели социальных отношений, демографические процессы // Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. Коллективная монография / Под ред. Н. Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой. М.: Логос, с. 73–122.
- Денисенко М. Б., Николаева У. Г. 2015. Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России? (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 12: 70–81.
- Калугина З. И. 2003. Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука.
- Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. 2016 / Под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. Авторы: К. В. Аверкиева, Е. В. Антонов, П. Л. Кириллов, А. Г. Махрова, А. А. Медведев, А. С. Неретин, Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш. М.: Новый хронограф. DOI: 10.15356/ВНАН2016.
- Мкртчян Н. В. 2018. Региональные столицы и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 6: 26–38. <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>.
- Моисеенко В. М. 2017. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народонаселение. 3 (77): 51–62.
- Муханова М. Н., Жвитишвили А. Ш., Бессокирная Г. П. 2013. Российское село. Социально-структурные процессы от прошлого к будущему. М.: URSS.
- Нефедова Т. Пэллот Дж. 2006. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова. М.: Новое издательство.
- Нефедова Т. Г. 2013. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: URSS.
- Нефедова Т. Г. 2018. Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде // Крестьяноведение. Т. 3, № 1: 117–141.
- Николаева У. Г. 2017. Неформальная экономика в современном мире: определения, интерпретации, оценки // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 1: 53–64.
- Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. 2014 / Ред. Н. Е. Покровского, Т. Г. Нефедовой. М.: Логос.
- Рындзюнский П. Г. 1983. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М.
- Семенов Ю. И. 2002. Общая теория крестьянской экономики (крестьянско-общинного способа производства) // Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века — начала XX века. Составитель, автор теоретического введения и редактор Ю. И. Семенов. Т. 1. Москва: Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, 2002. С. 6–175.
- Скот Дж. 2005. Благами намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга.
- Смурова О. В. 2008. Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – начале XX в.). Кострома.

- Сухова А. С., Гладникова Е. В., Нагерняк М. А., Рощина Я. М. 2013. Неформальная экономика в российских домохозяйствах в первой половине 2000-х: домашний труд, агропроизводство и межсемейные трансферты. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа). 2016 / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
- Узун В. Я. 2017. «Белые пятна» и неиспользуемые сельхозугодья: что показала сельскохозяйственная перепись 2016 г. // Мониторинг, 21 (59): 14–21.
- Фадеева О. П. 2015. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Хамфри К. 2010. Постсоветские трансформации в азиатской части России. М.: Издательство «НАТАЛИС».
- Geertz C. 1963. Peddlers and Princes: Social Change and Economic Modernization in Two Indonesian Towns. Chicago: University of Chicago Press.
- Hart K. 1973. Informal Economy Opportunities and the Urban Employment in Ghana // Journal of Modern Africa Studies, 11 (1): 61–89.
- Lewis A. W. 1953. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School. 1953, (22): 139–191.
- Redfield R. 1973. The little Community and Peasant Society and Culture. Chicago & London: The University of Chicago press.

Об авторах

- **Нефедова Татьяна Григорьевна**, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН, trene12@igras.ru
- **Николаева Ульяна Геннадьевна**, доктор экономических наук, старший научный сотрудник кафедры народонаселения экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, ynikolaeva@list.ru